

Мы не увидим Адриенны

Известия. - 2005. - 8 февр. - с. 15

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРОВ / «ИЗВЕСТИЯ»

Олесе Железняк подходят роли экспансивных дурех. Ей пришлось играть роль трагической актрисы, познавшей роковую силу страсти

Марина Давыдова

После того как в 1949 году по окончании легендарного спектакля Александра Таирова «Адриенна Лекуврер» в последний раз закрылся занавес Камерного театра, за пьесу Эжена Скриба в России практически не брались. Из суеверия, из страха потревожить легенду, из боязни ударить в грязь лицом. В этом сезоне на сцене московских театров появилось сразу две «Адриенны». Суеверия отброшены. Страх забыт. Первую по счету «Адриенну» поставил в Театре Маяковского Сергей Голомазов. Этот спектакль, к сожалению (а может, и к счастью), мне увидеть не довелось. Второй, только что выпущенный Романом Самгиным в Театре на Малой Бронной, дове-

лось. Расписываюсь в своем бессилиии. Надо обладать какой-то изощреннейшей логикой, чтобы понять, почему любимый ученик Марка Захарова, который, как казалось, всегда дружил со здравым смыслом, берется за совершенно безнадежное дело и с упорством, не достойным никакого применения, доводит его до конца.

Скриб не был великим драматургом, но он был высочайшим профессионалом, знавшим законы сцены, как отличник таблицу умножения. Интрига в его пьесах выстроена виртуозно. Диалоги напоминают фехтовальный поединок. Все концы сходятся с концами. В «Адриенне Лекуврер» драматургических дел мастер и вовсе прыгнул выше собственного таланта. В мелодраме о жизни и смерти знаменитой трагической актрисы XVIII века ясно различными отголоски романтической традиции,

умело подогнанные к салонному антуражу. Именно эти отголоски и расслышал в пьесе Александр Таиров, поставивший мелодраматические страсти Скриба на трагические ко турны и сотворивший на основе «хорошо сделанной пьесы» безусловный шедевр. Самгин попытался проделать иную операцию, а именно — сыграть мелодраму как комедию, но этот жанровый кульбит невозможен по определению: сметану легко превратить в масло, но ее нельзя превратить в кефир.

Артисты Малой Бронной наряжены согласно эпохе в фижмы и пудренные парики (точнее, в некую их декоративную стилизацию) и повисают то и дело на огромной люстре с рокальными завитушками, но манера их игры этой стилизации мало соответствует. В речах принцев, графов и герцогинь то и дело проскальзывают интонации биндюжников и торговков с одесского Привоза. Дело не спасает даже снующий под ногами у персонажей очаровательный арапчонок, эдакий всеобщий паж, придающий салону необходимый ориентальный колорит. И уж совсем запутывает дело ни к селу ни к городу приплетенный еврейский колорит. В самом начале спектакля детский голос читает «за кадром» Мандельштама. Читает, соответствующим образом грассируя: «Я не увижу знаменитой Федг'ы». Действительно не увидит. И мы не увидим.

После великой Алисы Коонен роль Адриенны лучше, видимо, уже не играть никому. Но даже если бы Коонен, Таирова и Камерного театра никогда не существовало в природе, Олесе

Железняк, рекрутированной Самгиным на Малую Бронную из «Ленкома», играть ее все равно не стоило бы. Железняк — стусок фарсовой энергии, квинтэссенция бурлеска, актриса без страха и зажима, но у ее яркого таланта есть жестко заданный диапазон. Ей как никому подходят роли экспансивных стервоз или дурех с плохим характером, но роль трагической актрисы, гениально игравшей Федру, в жизни и на сцене познавшей роковую силу страсти, в любой концепции и в любой декорации ей категорически противопоказана.

Апофеозом той сценической бессмыслицы, в которую превращает Самгин «хорошо» (а ведь действительно хорошо!!!) сделанную пьесу», становится финал спектакля. Умиравшая Лекуврер, жертва светских интриг, падает в разверстую под ногами сценическую яму. Из ямы медленно поднимается подвешенный за веревку вертикальной проекции гроб, напоминающий дачную пристройку для хранения мелкого хлама. Раздаются первые аплодисменты. Вслед за другими участниками спектакля гроб склоняется перед зрителями в низком поклоне. Глядя на эту вопиющую нелепость, явно понимаешь: именно здесь, в висящей перед самым носом плохо сколоченной деревянной конструкции, похоронены с некоторых пор не только наши страстные надежды увидеть знаменитую Федру, но даже робкие надежды лицезреть грамотно разыгранную мелодраму. Ее, как и высокую трагедию, на сегодняшней русской сцене мы видали только в гробу.

Лекуврер Адриенна

08.02.05